

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 930

Р.С. Есин

ЧИСЛЕННОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ 1930-х гг. В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

R.S. Esin

THE NUMBER OF SPECIAL IMMIGRANTS IN KRASNOYARSK REGION IN THE EARLY 1930-s IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

Тема сталинских репрессий актуальна как для профессиональных историков, так и для современного российского общества. В связи с большим количеством публикаций на данную тему полагаем актуальным выяснение степени разработанности проблемы репрессий в СССР в 1928–1953 гг. в исследованиях историков. В частности, необходимо рассмотреть «кулацкую ссылку» начала 1930-х гг., в рамках которой происходило перемещение и выселение спецпереселенцев, осуществлявшееся в СССР во второй половине 1931 – начале 1932 г. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) было принято решение о усиленном наступлении на зажиточные слои деревни. «Кулак» был объявлен «классовым врагом». В результате были сосланы сотни тысяч человек, что оказало значительное влияние как на национальный и этнический состав населения, так и на экономику Советского Союза в целом и его отдельных регионов. В статье рассматривается численность спецпереселенцев в Красноярском крае в начале 1930-х гг. в постсоветской историографии. Обзор ограничен основными отечественными исследованиями, вышедшими в период с 1991 по 2004 г. В заключение статьи делается вывод о том, что несмотря на изученность отдельных аспектов избранной темы, на данный момент в историографии за рассматриваемый период времени отсутствуют данные о численности спецпереселенцев в Красноярском крае в конце 1931 – начале 1932 г., достаточно точные для того, чтобы определить в полном масштабе влияние сталинских репрессий на экономику и демографию региона.

Ключевые слова: «кулацкая» ссылка, сталинские репрессии, численность спецпереселенцев, Восточно-Сибирский край, Западно-Сибирский край, Красноярский край.

The subject of Stalin repressions is actual both for professional historians, and modern Russian society. Due to a large number of publications on this subject we believe actual clarification of the degree of studying the problem of repressions in the USSR in 1928–1953 in the researches of historians. In particular, it is necessary to consider "kulaks' exile" of the beginning of the 1930-s within which there was a movement and eviction of special immigrants which was carried out in the USSR in the second half 1931 – the beginning of 1932. In 1927 at the XV congress of All-Union Communist Party (bolsheviks) the decision on the strengthened approach to prosperous layers of the village was made. "Fist" was declared by "the class enemy". Hundreds of thousands people that had considerable impact as on national and ethnic structure of the population, and on economy of the Soviet Union in general and its certain regions were as a result banished. In the study the number of special immigrants in Krasnoyarsk Region in the early thirties in Post-Soviet historiography is considered. The review is limited to the main domestic researches which came out during the period from 1991 to 2004. At the end of the study the conclusion that despite study of separate aspects of chosen subject, at the moment in a historiography for considered period of time there are no data on the number of special immigrants in Krasnoyarsk Region at the end of 1931 – the beginning of 1932, rather exact to define influence of Stalin repressions on economy and a demography of the region in full scale was drawn.

Keywords: kulak exile, Stalin repressions, number of special settlers, East Siberian region, West Siberian region, Krasnoyarsk Region.

В последние годы в российском обществе все большую популярность набирает личность И.В. Сталина. Как показал опрос ВЦИОМ 2017 г., 62 % россиян согласны с тем, что необходимо размещение в публичных местах бюстов, картин и досок с информацией о достижениях Сталина, а против сообщений о неудачах и преступлениях Иосифа Виссарионовича высказалось 65 % граждан [1].

С именем Сталина неразрывно связаны почти три десятилетия истории развития Советского Союза. В современной историографии 1930–1950-е гг., как правило, рассматриваются в рамках мобилизационной модели. Одним из важных компонентов этой модели являлся принудительный труд, который напрямую был связан с массовыми репрессиями. В оценке мобилизационной модели развития до сих пор сохраняется дискуссионность [2].

Плюрализм мнений свидетельствует о необходимости более точного историко-философского осмысления репрессивной политики сталинизма и ее взаимосвязи с экономической политикой в СССР в 1930-е гг.

Данному осмыслению будет способствовать анализ численности сосланных «кулаков», которые в разное время назывались спецпереселенцами, трудпоселенцами и спецпоселенцами [3, с. 18; 4, с. 3].

История спецпоселенчества началась в 1929 г., когда на спецпоселение были отправлены первые партии «кулаков» и «подкулачников» [5, с. 3].

В 1930–1931 гг. в СССР было выселено с отправкой на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803 392 человека [6], часть которых была сослана на территорию Красноярского края, а часть отправлена в «ссылку внутри данного региона».

30 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Инструкции о порядке дальнейшего выселения кулацких семейств», в которых предписывалось: «выселение кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации в массовом порядке прекратить» [7, с. 31]. К этому моменту процесс формирования основного контингента в местах поселений в целом завершился.

Мы разделяем точку зрения С.А. Красильникова о том, что к 1932 г. массовые депортации крестьянства, затрагивающие все регионы страны, закончились [8, с. 44–45]. Следовательно, процесс концентрации спецконтингента в местах спецпоселений завершился. Это позволяет оценить их численность в региональном масштабе.

В отечественной историографии сталинских репрессий выделяются советский (с 1930-х до 1990-х гг.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время) этапы [9, с. 131].

В данной статье рассматривается часть второго этапа. В 1991 г. в историографии произошли достаточно радикальные изменения, связанные с такими историческими событиями, как распад СССР и образование РФ, а также появление указов «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. и «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. Кроме того, в 1992 г. были сняты ограничительные грифы и началась «архивная революция» [10, с. 239].

В 2004 г. вступил в силу новый Закон об архивном деле в Российской Федерации, а в 2006 г. последовал совместный приказ Министерства культуры, МВД и ФСБ о порядке доступа к делам репрессированных. Этими актами был наложен запрет исследователям на доступ к личным делам репрессированных на срок 75 лет [11, с. 242–243]. В 2009 г. началось «Архангельское дело» против создателей книг памяти по российским немцам [12, с. 242–243].

Таким образом, по оценке В.М. Кириллова, на этот период «архивной революции» завершился. Поскольку на этом этапе произошло уже-

стечение архивной политики и это не могло не отразиться на историографии. Поэтому исследования, опубликованные на втором этапе, после 2004 г., целесообразно рассматривать отдельно, это не входит в задачу данного исследования.

Во второй половине 1931 – начале 1932 г. Красноярский край не являлся отдельным регионом. С 11 августа 1930 г. основная часть территории края относилась к Восточно-Сибирскому краю [13, С. 39], и только после 7 декабря 1934 г. он стал самостоятельным [14, С. 255].

В силу названных обстоятельств сведения о численности спецпереселенцев по Красноярскому краю за этот период включены в численность спецпереселенцев по Восточно-Сибирскому краю. А данные по трем районам (Шарыповский, Боготольский и Тюхтетский) современного Красноярского края, входившим с 1930 по 1934 г. в Западно-Сибирский край, включают сведения по этому региону.

С началом «архивной революции» появляются первые работы, в которых исследовалась численность спецпереселенцев, находившихся в Красноярском крае во второй половине 1931 – начале 1932 г.

Одним из первых ранее засекреченные сведения о численности спецпереселенцев в 1930-е гг., как в общесоюзном, так и в региональном масштабе, ввел в научный оборот В.Н. Земсков. По его данным, в Восточной Сибири на 1 января 1932 г. насчитывалось около 92 тыс. спецпереселенцев [15, с. 122].

В 1990-е гг. тему спецпереселенцев изучал В.Я. Шашков. Согласно его исследованию, на 1 сентября 1931 г. число высланных семей в процессе раскулачивания в СССР в 1930–1931 гг. в Восточной Сибири насчитывалось 9 077 семей (46 287 человек). Кроме того, он привел сведения о количестве «раскулаченных» и высланных семей в Восточной Сибири на 20 сентября 1931 г. – 14 508 семей (73 111 человек) [16, с. 140, 143].

Сибирские ученые также исследовали проблему спецпереселенцев. Так, С.А. Папков приводит данные о том, что в течение 1930–1931 гг. ОГПУ переселило в Восточную Сибирь 25 348 семей (91 714 человек) [17, с. 72].

В начале 1990-х гг. вышел сборник ранее не публиковавшихся документов о спецпереселенцах Западной Сибири из рассекреченных фондов новосибирских архивов. Архивные данные, содержащиеся в данном сборнике, позволяют вскрыть механизм формирования и функционирования системы спецпоселений, а также оценить масштабы применения принудительного труда этой разновидности спецконтингента в регионе [18]. Однако в этих документах лишь фрагментарно отражена численность «кулаков», сосланных в Красноярский край, поскольку Западно-Сибирский край включал в себя только три района современного Красноярского края.

В преобладающем числе исследований, опубликованных в начале 2000-х гг., численность спецпереселенцев рассматривается в территориальных границах, существовавших в 1930-е гг. регионов СССР. Выделялись только Западно- и Восточно-Сибирский края.

Так, П.М. Полян пишет, что в 1931 г. намечалась высылка в Восточную Сибирь, но ее масштабы в документах не указывались. В общей сложности ЦК поручил ОГПУ сослать более 200 тыс. семей. Однако это оказалось технически невозможно (110 тыс. семей разместили в различных регионах). Исследователь не указывает, что стало с оставшимися 90 тыс. семей [19, с. 72]. Также исследователь приводит данные о численности спецпереселенцев за 1931 г. совокупно по Сибири, Уралу, Северному краю и Казахской ССР – 1 230 тыс. человек [20, с. 245].

Пожалуй, одним из наиболее полных исследований, затрагивающих вопросы численности высланных спецпереселенцев в общесоюзном масштабе, является монография В.Н. Земскова «Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960». Однако по Восточно-Сибирскому и Западно-Сибирскому краю новые данные о численности спецпереселенцев приведены не были [21, с. 22].

В монографии Н.А. Ивницкого данные о численности спецпереселенцев указаны к началу 1932 г.: по Западно-Сибирскому краю – 265 846 человек и Восточно-Сибирскому краю – 91 720 человек [22, С. 71].

С.А. Красильников приводит численность спецпереселенцев на 1 января 1932 г.: в Западной Сибири: – 265 тыс. человек и Восточной – около 92 тыс. человек [23, с. 211].

По данным О.В. Корсаковой, в конце 1931 г. на территории Красноярского края (по административному делению на 1934 г.) находилось около 30 тыс. семей спецпереселенцев, или около 130 тыс. человек [24, с. 200].

В рассмотренных выше исследованиях можно выделить три основных параметра.

Во-первых – это территориальные границы исследования. В большинстве публикаций приводятся данные в рамках границ Восточной Сибири: у В.Н. Земскова, С.А. Красильникова и Н.А. Ивницкого и в диссертации В.Я. Шашкова. Численность спецпереселенцев в рамках границ Красноярского края указана только у О.В. Корсаковой. П.М. Полян пишет о том, что в Восточную Сибирь планировали ссылать спецпереселенцев и приводит совокупные данные совместно по нескольким крупным регионам.

Во-вторых, есть различия и в датах, на которые показано количество спецпереселенцев. У П.М. Полян это 1930–1931 гг., у О.В. Корсаковой – конец 1931 г., у В.Я. Шашкова – на 1 и 20 сентября 1931 г., у В.Н. Земскова, С.А. Красильникова и Н.А. Ивницкого – 1 января 1932 г.

В-третьих, имеются расхождения в общей численности спецпереселенцев. П.М. Полян указывает численность – 1 230 тыс. человек, О.В. Корсакова – около 130 тыс. человек; В.Н. Земсков, С.А. Красильников и Н.А. Ивницкий около 92 тыс. человек; В.Я. Шашков – 46 287 и 73 111 человек.

Наибольшая численность спецпереселенцев, приведенная П.М. Полян, связана с более широкими территориальными границами, в рамках которых исследователь указывает данные. Наименьшую численность приводит В.Я. Шашков, вероятно, потому, что указанные им данные относятся к периоду, когда процесс концентрации спецпереселенцев в регионах еще не завершился.

Таким образом, можно констатировать, что в историографии рассматриваемого периода сведения о численности спецпереселенцев существенно разнятся по ряду параметров.

Практически всех авторов объединяет то, что они рассматривают численность спецпереселенцев в границах одного административно-территориального образования. У В.Н. Земскова, С.А. Красильникова, Н.А. Ивницкого и у В.Я. Шашкова данные о численности ссыльных «кулаков» приводятся в рамках Восточно-Сибирского края.

Однако, если В.Н. Земсков, С.А. Красильников и Н.А. Ивницкий указывают численность спецпереселенцев – около 92 тыс. чел., то В.Я. Шашков приводит разную численность в динамике, на две даты 1931 г.: на 1 сентября 46 287 и 20 сентября 73 111 человек.

Несовпадение количественных показателей у разных авторов вызвано тем, что В.Я. Шашков указывает сведения о численности спецпереселенцев на 1 и 20 сентября 1931 г., а В.Н. Земсков, С.А. Красильников и Н.А. Ивницкий – на 1 января 1932 г.

По-видимому, это связано с тем, что численность спецпереселенцев с течением времени менялась из-за побегов, смертности и прибытия новых депортированных крестьян в течение второй половины 1931 – начале 1932 г. Кроме того, вполне вероятно, что такое несовпадение связано с высылкой спецпереселенцев в Восточную Сибирь в 1931 г., о которой пишет П.М. Полян, но не приводит точных цифр. Можно предположить, что масштаб этой ссылки и стал причиной различия в численности.

Если это предположение верно, то численность спецпереселенцев, прибывших в Восточную Сибирь в период с 1 по 20 сентября 1931 г., составила около 26–27 тыс. человек. Впоследствии с 20 сентября 1931 г. по 1 января 1932 г. в Восточную Сибирь прибыло еще около 19 тыс. человек.

Необходимо отметить, что такой подсчет не совсем корректен, так как нужно учитывать смертность и побег с мест спецпоселений и т. п.

Наиболее полно вопрос численности спецпереселенцев в Красноярском крае в указанный нами период рассмотрен О.В. Корсаковой.

Существенным упущением, на наш взгляд, является то, что в рассмотренных выше публикациях нет разбивки численности спецпереселенцев по отдельным населенным пунктам рассматриваемого региона.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в рассмотренной историографии отсутствуют точные данные о численности спецпереселенцев в Красноярском крае в конце 1931– начале 1932 г.

Остающиеся статистические «лакуны» не позволяют оценить точную численность спецпереселенцев в крае на момент завершения процесса массовой высылки в регионы Сибири. Это, в свою очередь, препятствует определению влияния спецпереселенцев на демографическую ситуацию в регионе, а также подсчету количества работоспособного населения, находившегося в Красноярском крае во второй половине 1931 – начале 1932 г.

Выявленные несоответствия свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования такого явления, как «кулацкая ссылка» в Красноярском крае и в том числе в отдельных районах, которые вошли в состав края в 1934 г.

Решение этой проблемы позволит установить общее количество рабочих, прибывших в конкретные населенные пункты Красноярского края в начале 1930-х гг. В свою очередь, это позволит дать оценку роли принудительного труда в народном хозяйстве данного региона.

Установление численности спецпереселенцев будет способствовать осмыслению механизмов функционирования «мобилизационной модели» развития и одного из ее важнейших компонентов – репрессивной политики, как в масштабах страны, так и на региональном уровне.

Литература

1. Память о Сталине: за и против // ВЦИОМ: официальный сайт. – URL: <https://wciom.ru/?id=236&uid=116323/> (дата обращения: 30.06.2019 г.).
2. Кирилов В.М. Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 81–90.
3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003. – С. 18.
4. Бердинских И.В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2007. – С. 3.
5. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) // Социс. – 1990. – С. 3.
6. Там же.
7. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. История политических

- репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи. – Сыктывкар, 2015. – Вып. 2. – С. 31.
8. *Красильников С.А.* Массовые и локальные высылки крестьянства Западной Сибири в первой половине 30-х годов // Гуманит. науки в Сибири. – 2000. – № 2. – С. 44–45.
 9. *Степанов М.Г.* Сталинская репрессивная политика в СССР (1928–1953 гг.): взгляд советской историографии // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – С. 131.
 10. *Кириллов В.М.* Историография и методология изучения проблем истории политических репрессий в СССР // Ежегодник МАИИКРН. – 2016. – № 2. – С. 239.
 11. *Кириллов В.М.* Историография и методология изучения проблем истории политических репрессий в СССР // Ежегодник МАИИКРН. – № 2. – 2016. – С. 242–243.
 12. *Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И.* Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов. История политических репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи. – Сыктывкар, 2015. – Вып. 2 – С. 9.
 13. Красноярье: пять веков истории. – Красноярск, 2006. – С. 39.
 14. История Красноярской партийной организации / *Н.П. Силкова, Л.М. Балашов, Е.А. Елисеев* [и др.]. – Красноярск, 1982. – С. 255.
 15. *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 122.
 16. *Шашков В.Я.* Раскулачивание в СССР и судьба спецпереселенцев (1930–1954): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1995. – 428 с.
 17. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири (1928–1941 гг.). – Новосибирск, 1997. – 72 с.
 18. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г.: сб. / отв. ред. *В.И. Данилов, С.А. Красильников.* – Новосибирск, 1993. – 342 с.
 19. *Полян П.М.* Не по воле своей. – М., 2000. – С. 72.
 20. Там же. С. 245.
 21. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003. – С. 22.
 22. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. – М., 2004. – С. 71.
 23. *Красильников С.А.* Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. – М., 2003. – С. 211.
 24. *Корсакова О.В.* Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): дис. ...канд. ист. наук. – Красноярск, 2001. – С. 200.

Literatura

1. Pamyat' o Staline: za i protiv // VCIOM: oficial'nyj sajt. – URL: <https://wciom.ru/?id=236&uid=116323/> (data obrascheniya: 30.06.2019 g.).
2. Kirilov V.M. Prinuditel'nyj trud v SSSR: istoriograficheskij aspekt // Ural'skij istoricheskij vestnik. – 2017. – № 3. – S. 81–90.
3. Zemskov V.N. Specposelency v SSSR. 1930–1960. – M., 2003. – S. 18.
4. Berdinskih I.V. Osobennosti formirovaniya infrastruktury sistemy specposelenij v SSSR v 1930–1940-h gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Izhevsk, 2007. – S. 3.
5. Zemskov V.N. Specposelency (po dokumentacii NKVD – MVDSSSR) // Socis. – 1990. – S. 3.
6. Tam zhe.
7. Berdinskih V.A., Berdinskih I.V., Verem'ev V.I. Sistema specposelenij v Sovetskom Soyuze 1930–1950-h godov. Istoriya politicheskikh repressij v Evrazii: strany, narody, epohi. – Syktyvkar, 2015. – Vyp. 2. – S. 31.
8. Krasil'nikov S.A. Massovyie i lokal'nye vysylki krest'yanstva Zapadnoj Sibiri v pervoj polovine 30-h godov // Gumanit. nauki v Sibiri. – 2000. – № 2. – S. 44–45.
9. Stepanov M.G. Stalinskaya repressivnaya politika v SSSR (1928–1953 gg.): vzglyad sovetskoj istoriografii // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – S. 131.
10. Kirillov V.M. Istoriografiya i metodologiya izucheniya problem istorii politicheskikh repressij v SSSR // Ezhegodnik MAI-IKRN. – 2016. – № 2. – S. 239.
11. Kirillov V.M. Istoriografiya i metodologiya izucheniya problem istorii politicheskikh repressij v SSSR // Ezhegodnik MAI-IKRN. – № 2. – 2016. – S. 242–243.
12. Berdinskih V.A., Berdinskih I.V., Verem'ev V.I. Sistema specposelenij v Sovetskom Soyuze 1930–1950-h godov. Istoriya politicheskikh repressij v Evrazii: strany, narody, epohi. – Syktyvkar, 2015. – Vyp. 2. – S. 9.
13. Krasnoyar'e: pyat' vekov istorii. – Krasnoyarsk, 2006. – S. 39.
14. Istoriya Krasnoyarskoj partijnoj organizacii / N.P. Silkova, L.M. Balashov E.A. Eliseev [i dr.]. – Krasnoyarsk, 1982. – S. 255.
15. Zemskov V.N. Sud'ba «kulackoj ssylki» (1930–1954 gg.) // Otechestvennaya istoriya. – 1994. – № 1. – S. 122.
16. Shashkov V.Ya. Raskulachivanie v SSSR i sud'ba specpereselencev (1930–1954): dis. ... d-ra ist. nauk. – M., 1995. – 428 s.
17. Papkov S.A. Stalinskij terror v Sibiri (1928–1941 gg.). – Novosibirsk, 1997. – 72 s.
18. Specpereselency v Zapadnoj Sibiri. Vesna 1931 – nachalo 1933 g.: sb. / otv. red. V.P. Danilov, S.A. Krasil'nikov. – Novosibirsk, 1993. – 342 s.

19. *Polyan P.M.* Ne po vole svoej. – M., 2000. – S. 72.
20. Tam zhe. S. 245.
21. *Zemskov V.N.* Specposelency v SSSR. 1930–1960. – M., 2003. – S. 22.
22. *Ivnickij N.A.* Sud'ba raskulachennyh v SSSR. – M., 2004. – S. 71.
23. *Krasil'nikov S.A.* Serp i moloh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gg. – M., 2003. – S. 211.
24. *Korsakova O.V.* Krest'yane-specpereselency v Sibiri v 1930-e gg. (na materialah Krasnoyarskogo kraja): dis. ...kand. ist. nauk. – Krasnoyarsk, 2001. – S. 200.

